

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ,

из которой читатель узнает о том, что рассказал дух Вечерней звезды о злых оборотнях, а также о том, как Сунь У-кун проявил свои способности в превращениях

Желанья и страсти природой самой рождены,
И в жизни любой их истоки и корни едины,
Но Будды ученье принявшие закалены
В борьбе со страстями и с их породившей причиной.
Все страсти забыть и отринуть мирские желанья
Способен лишь тот, кто науку постиг созерцанья.
Владея собою, он к цели стремится одной:
Сердце свое укрепить и придать ему твердость алмаза,
Чтоб не было больше на нем ни пылинки земной,
Как на луне, не запятнанной прахом и грязью.
Поступью мерной он твердо шагает вперед,
Достойные по пути совершая деянья;
Когда же закончится время, назначенное для испытанья,
Сей праведник мудрый прозрения дар обретет.

Итак, вы знаете уже о том, что Танский монах со своими учениками вырвался из сетей страсти, выбрался из темницы чувств, пустил своего коня и направился на Запад.

Прошло еще немного времени, лето кончилось, наступила осень. Холодный воздух пробирал путников насквозь. Всюду видны были приметы осени:

Зной удержаться хочет втуне —
Его развевает дождь;
Встревожена листва утуна,
Природу пробирает дрожь;
Над лентами густой осоки
В ночи летают светляки

И зажигают невысоко
Свои золотые огоньки.
Отчетливее в полнолуние
Стрекочут резвые сверчки,
И ходят по незримым струнам
Невидимые их смычки.
Раскрыли мальвы цвет свой желтый,
Обильно смоченный росой,
Болотных трав шуршат метелки.
На тихой отмели речной;
Печально верещит кузнечик
Природе утомленной в лад,
И опускает ива плечи,
Роняя легкий свой наряд.

Неожиданно перед путниками выросла высоченная гора, вершины которой, казалось, уходили в лазоревые небеса. Верно сказано, что такая гора может поцарапать звезды и задержать движение солнца. Почтенный наставник испугался и подозвал Сунь У-куна:

— Ты погляди, какая высокая гора впереди! — воскликнул он. — Неизвестно, есть ли там дорога? Может быть, нет.

— Да что ты! — рассмеялся Сунь У-кун. — Еще в глубокой древности говорили: «Как бы ни была высока гора, для путника всегда найдется путь через нее; как бы ни была глубока река, всегда найдется переправа». Может ли быть, чтобы мы не перешли через эту гору?! Успокойся и поезжай вперед.

Танский монах просиял от радости и, весело посмеиваясь, стал подстегивать коня, направляясь прямо к горным кручам. Он проехал всего несколько ли, как вдруг заметил вдалеке, на склоне горы, какого-то старца с взлохмаченными седыми волосами, развевающимися по ветру, с жиденькой бородкой, серебристые нити которой качались из стороны в сторону. На шее у него висели четки, а в руках он держал посох с набалдашником в виде головы дракона.

— Почтенный наставник, направляющийся на Запад! — громко крикнул старец. — Останови своего скакуна и придержи свои драгоценные поводья! На этой горе обитает скопище дьяволов-оборотней. Они уже сожрали всех жителей страны Джамбудвипа. Дальше ехать никак нельзя!

От этих слов Танский монах так перепугался, что даже изменился в лице. То ли дорога была неровной, то ли плохо держалось резное седло, во всяком случае он свалился с коня и, недвижимый, распростерся на земле в густой траве. Сунь У-кун подбежал к нему и, взяв под руки, поднял.

— Не бойся! Не бойся! — успокаивал он своего наставника. — Я ведь с тобой!

— Ты послушай, что говорит старец вон на той высокой скале! Он сообщил, что на этой горе обитает целое скопище злых духов и дьяволов, которые уже сожрали всех жителей страны Джамбудвипа. Кто из вас отважится пойти к нему и расспросить обо всем обстоятельнее?

— Ты пока посиди здесь, — отвечал Сунь У-кун, — а я пойду и расспрошу его!

— Боюсь, что тебе не удастся раздобыть у него верные сведения, так как вид у тебя очень уж безобразный, да и на язык ты весьма груб и дерзок, того и гляди, что обидишь его, — с опаской сказал Танский монах.

— А я приму более благообразный вид и буду учтив, — смеясь, отвечал Сунь У-кун.

— Ну-ка, преобразись! Я посмотрю, каким ты станешь! — сказал Танский монах.

Молодец Сунь У-кун! Щелкнув пальцами, он встряхнулся и сразу же превратился в чистенького и аккуратного монаха-послушника, с ясными глазами, густыми бровями, круглой головой и правильными чертами лица.

Движения и манеры его были полны благородства и грации, а когда он заговорил, то из уст его не вырвалось ни одного грубого слова. Поправив на себе одежды, он быстрыми шагами подошел к своему наставнику и спросил:

— Ну что, наставник! Нравится тебе сейчас мой вид?

Танский монах стал разглядывать Сунь У-куна и остался очень доволен:

— Хорошо! Удачно преобразился, — восторженно похвалил он.

— Еще бы! Такой благообразный, да чтобы не был хорош! — подхватил Чжу Ба-цзе. — Всех нас, вместе взятых, перещеголял! Мне, старому Чжу Ба-цзе, никогда не стать таким, даже если я буду стараться целых два или три года!

И вот наш бесподобный Великий Мудрец направился прямо к тому месту, где стоял старец, и, приблизившись к нему, почтительно поклонился.

— Уважаемый дедушка! Позволь мне, бедному инок, приветствовать тебя! — учтиво произнес он.

Видя перед собой благообразного и воспитанного юношу, старец, против всяких ожиданий, ответил ему очень вежливым поклоном и, погладив его по голове, ласково посмеиваясь спросил:

— Откуда ты пришел сюда, монашек?

— Мы из восточных земель великого Танского государства направляемся на Запад к Будде за священными книгами,— бойко ответил Сунь У-кун.— Только что мы прибыли сюда и услышали твое предупреждение о том, что здесь водятся черти-оборотни. Мой наставник, робкий по натуре, испугался и велел мне явиться к тебе и разузнать, что за черти-оборотни смеют преграждать нам путь! Прошу тебя, уважаемый дедушка, расскажи мне все как есть, чтобы я мог разогнать чертей и дать возможность моему наставнику продолжать свой путь.

— Эх, ты еще очень молод, мой маленький монах! — рассмеявшись, сказал старец,— не знаешь, где добро, где зло! Если бы ты знал, каким чародейством владеют здешние оборотни, то не посмел бы сказать, что разгонишь их и проложишь путь твоему наставнику!

— Судя по твоим словам,— улыбаясь, сказал Сунь У-кун,— ты собираешься встать на защиту дьяволов, о которых говоришь, а стало быть, находишься в родстве с ними или, во всяком случае, в тесной дружбе, иначе чем объяснить, что ты превозносишь их могущество и силу, высоко расцениваешь их личные качества и не хочешь откровенно рассказать все, что тебе о них известно!

— Ты, я вижу, хоть и молод, да зубаст! — кивнув головой, вновь рассмеялся старец.— Видно, странствуя со своим наставником по разным местам, набрался кое-каких знаний по магии. Вполне возможно, что ты научился изгонять бесов и приводить в покорность оборотней, очищать человеческое жилье от нечистой силы, но тебе еще не доводилось сталкиваться с настоящими дьяволами-чудищами!

— С какими же чудищами? — спросил Сунь У-кун. — Чем они страшны?

— Стоит только этим чудищам-дьяволам послать письмо на чудотворную гору Линшань, как ровно пятьсот архатов явятся сюда встретить врага, а если они отправят послание в небесные чертоги, то духи одиннадцати светил окажут им всяческое уважение. Драконы четырех морей издавна ведут дружбу с этими дьяволами, а праведные отшельники, обитающие в восьми пещерах, часто пируют с ними. Они вступили в побратимство с правителем десяти подземных царств, самым Янь-ваном; наконец духи-хранители земли и городов знают с ними, как с дорогими гостями.

Великий Мудрец, слушая все это, не удержался от неприлично громкого хохота и, тронув старца рукой, перебил его:

— Не говори! Не говори! Твои дьяволы-оборотни недостойны даже быть друзьями или побратимами моей челяди. Если они узнают о моем приходе, то в эту же ночь снимутся с места и уйдут отсюда.

— Не говори глупостей! — сердито остановил его старец. — Ты чересчур высокомерен! Скажи мне хотя бы, кто из твоей челяди славится мудростью и прозорливостью?

— Не стану скрывать от тебя и скажу всю правду, — ухмыляясь, ответил Сунь У-кун. — Я издавна обитал в пещере Водного занавеса на горе Цветов и плодов в государстве Аолайго. Фамилия моя Сунь, а зовут меня У-кун. В свое время я тоже был дьяволом-оборотнем и вершил великие дела. Произошел как-то раз такой случай: на пирушке со многими дьяволами-марами я выпил лишнего и заснул. Мне приснилось, что двое каких-то молодцов подцепили меня крючками и сволокли в чистилище преисподней. Меня сразу же охватил великий гнев, я схватил свой посох с золотыми обручами и разогнал всех демонов-судей, напугал до смерти самого владыку преисподней Янь-вана, чуть не перевернул вверх дном дворец Сэньло. С перепугу судейские чинуши и письмоводители составили бумагу, которую подписал и скрепил печатью сам владыка ада Янь-ван. В ней говорилось, что он молит пощадить его от побоев и готов добровольно служить мне холоум.

— Амитофо! — воскликнул не на шутку изумленный старец. — Вряд ли тебе придется долго жить за такие слова.

— А с меня хватит и моих лет, почтенный! — дерзко возразил Сунь У-кун.

— Сколько же тебе от роду? — насмешливо спросил старец.

— Попробуй, угадай!

— Лет семь или восемь, конечно, будет.

— Десять тысяч раз по семь или по восемь, — расхохотался Сунь У-кун. — Хочешь, я покажусь тебе в моем настоящем облике, только, чур, не пеняй потом на меня!

— Как же так? Разве у тебя есть еще и другое лицо? — удивился старец.

— У меня, маленького монаха, есть семьдесят два разных облика, — с гордостью отвечал Сунь У-кун.

Старец оказался не очень смышленным и продолжал расспрашивать. Тогда Сунь У-кун провел рукой по своему лицу и сразу же принял свой настоящий облик: выпяченная вперед мордочка с оскаленными зубами, совершенно красный зад, юбочка из тигровой шкуры на пояске, а в руках посох с золотыми обручами. Стоя под крутой скалой, он напоминал своим видом бога Грома Лэй-гуна. Увидев преобразившегося Сунь У-куна, старец побледнел от страха и даже

почувствовал слабость в ногах. Он не мог удержаться и повалился, как сноп, наземь. Пытаясь подняться, он снова зашатался и упал. Великий Мудрец подошел к нему и стал успокаивать:

— Почтенный! Не нужно так пугаться! Я вовсе не такой злой, каким выгляжу. Не бойся! Не бойся! Только что я узнал от тебя, что здесь водятся дьяволы-оборотни. Так скажи мне, сколько их. Извини, что утруждаю тебя расспросами, за это постараюсь щедро отблагодарить!

Но старец дрожал от страха и не мог выговорить ни одного слова. Он, видимо, даже оглох, так как совсем не откликался.

Сунь У-кун, видя, что от старца ничего больше не добьешься, сразу же повернул обратно и прибыл к наставнику.

— Ну что? — спросил Танский монах. — Удалось тебе что-нибудь узнать?

— Пустяки! — смеясь, отвечал Сунь У-кун. — Здесь, на Западе, действительно обитают какие-то дьяволы-оборотни, но жители, видимо, чересчур пугливы и поэтому так боятся их. Не волнуйтесь, ничего не случится. Ведь я с вами!

— Узнал ли ты хотя бы, какие здесь горы, какие в них пещеры, сколько злых оборотней и какой дорогой можно пройти к храму Раскатов грома? — допытывался Танский монах.

— Отец-наставник! — вмешался Чжу Ба-цзе. — Извини, что перебил тебя! Позволь мне сказать. Если говорить о превращениях, о ловкости в похищениях и в одурачивании людей, то пятнадцать таких, как я, не могут сравниться с нашим старшим братом. Что же касается кротости и честности, то даже целый полк таких, как он, не сравнится со мною.

— Да, это верно! — подтвердил Танский монах. — Ты и в самом деле кроткий и честный малый!

— Не пойму только, зачем брат Сунь У-кун лезет на рожон, сует голову вперед, не думая о хвосте, толком ничего не расспросил и вернулся ни с чем. Дозволь же мне, старому Чжу Ба-цзе, пойти расспросить обо всем, чтобы я мог все рассказать тебе.

— Ладно, Чжу У-нэн! — согласился Танский монах. — Только будь осторожен!

Ну и Дурень! Он засунул грабли за пояс, поправил на себе одежду и вразвалку направился к склону горы, издали окликнув старца:

— Почтенный дедушка! Позволь мне приветствовать тебя!

Между тем старец, все еще дрожа от страха, с трудом поднялся на ноги, опираясь на посох, и, убедившись в том, что Сунь У-кун ушел, собрался было удалиться. Однако, увидев Чжу Ба-цзе,

он еще больше перепугался и забормотал:

— О небо! Что за кошмары мне мерещатся нынче! Злые чудища одно за другим появляются передо мной! Только что здесь был ужасный монах, урод уродом, но в облике его все же было что-то человеческое, хотя бы три доли, а этот... вот уж не думал, что у монаха может быть рыло, как у свиньи, уши, словно опахала, лицо чернее чугуна и вдобавок ко всему длинная щетина на загривке. В нем и одной доли человеческого не найдешь!

— Дедушка, чем ты так недоволен? — смеясь, спросил Чжу Ба-цзе, подходя к старцу, — или я тебе не понравился чем-либо?.. Почему ты на меня так смотришь? Я, конечно, безобразен, слов нет, но потерпи немного, увидишь, как я тебе понравлюсь, если ты хоть немного меня узнаешь.

Старец, услышав человеческую речь, так удивился, что даже заговорил:

— Откуда ты явился? — спросил он.

— Я второй ученик Танского монаха, — отвечал Чжу Ба-цзе, — мое монашеское имя Чжу У-нэн, или Чжу Ба-цзе. До меня к тебе приходил Сунь У-кун, мой старший брат в монашестве. Наш наставник остался очень недоволен им, за то что он был дерзок с тобой, дедушка, не расспросил тебя обо всем как следует, а потому велел мне предстать перед тобой, поклониться и разузнать, что здесь за горы, какие пещеры, кто из дьяволов-оборотней обитает в этих пещерах, где проходит большая дорога на Запад. Прошу тебя, дедушка, потрудись мне ответить!

— А ты не шутишь? — спросил старец.

— Я сроду никогда не зубоскалил, — серьезным тоном отвечал Чжу Ба-цзе.

— Только не вздумай быть таким же хвастуном, как тот монах, который только что приходил ко мне, — строго предупредил старец.

— О нет, я на него не похож, — уверенно произнес Чжу Ба-цзе.

Опершись на посох, старец стал рассказывать.

— Эти горы тянутся на восемьсот ли и называются горами Диковинного верблюда. В горах есть пещера, которая тоже называется пещерой Диковинного верблюда. В этой пещере живут три дьявола-мары.

Тут Чжу Ба-цзе сплюнул и перебил старца:

— Э! Да ты, я вижу, старик, чересчур осторожный! Взял на себя труд предупредить нас о

каких-то трех дьяволах-марах!

— А ты разве не боишься? — недоверчиво спросил старец.

— Скажу тебе без обмана! — задорно ответил Чжу Ба-цзе. — Этих трех дьяволов мы втроем сразу же прикончим: одного убьет Сунь У-кун своим посохом, другого — я своими граблями, у нас есть еще и меньшой брат, который своим посохом убьет третьего. А когда всех троих дьяволов мы уложим, наш наставник перейдет через гору — вот и все! Чего тут особенного?

— Я вижу, что и тебе все нипочем! — засмеялся старец. — Так знай же, что эти дьяволы обладают огромной волшебной силой. Кроме того, в их распоряжении множество бесов и бесенят: на южных островах — пять тысяч, на северных — тоже пять тысяч, у восточных ущелий — десять тысяч, да на западных — десять тысяч. Дозорных насчитывается не то четыре, не то пять тысяч, вход в пещеру охраняют десять тысяч; истопников не перечесть, да и дровосеков тоже несметное количество, а всего наберется, пожалуй, сорок семь или сорок восемь тысяч. Все они с именными знаками и имеют при себе таблички, на которых значится, кто они такие, эти бесы, а находятся они здесь только для того, чтобы пожирать людей.

Эти слова повергли Дурня в такой ужас, что он задрожал всем телом, повернул обратно, а приблизившись к своему наставнику, прежде чем дать ответ, отложил в сторону грабли и отправился по большой нужде.

Сунь У-кун сердито прикрикнул на него:

— Ты что это присел там на корточки, вместо того чтобы отвечать наставнику?

— Ничего не поделаешь, от страха приспичило, — оправдываясь, произнес Чжу Ба-цзе. — Да и рассказывать нечего, лучше скорей убираться отсюда подобра-поздорову, если жизнь не надоела!

— Эх ты, Дурень, — укоризненно сказал Сунь У-кун. — Я ходил — ничуть не испугался, а ты пошел, так со страху рехнулся!

— Расскажи, наконец, что ты узнал, — попросил Танский монах.

И Чжу Ба-цзе исполнил его просьбу.

— Старец сказал, что эти горы тянутся на восемьсот ли и называются горами Диковинного верблюда. В них есть пещера, которая тоже называется пещерой Диковинного верблюда. В этой пещере хозяйничают три старых дьявола-оборотня, а у них в распоряжении сорок восемь тысяч бесов и бесенят, которые только тем и занимаются, что пожирают людей. Если мы хоть чуть-чуть углубимся в эти горы, то станем добычей дьяволов, и они нас сожрут живьем. О том, чтобы двигаться дальше, даже и думать нечего!

У Танского монаха от этих слов мурашки по спине забегали.

— Сунь У-кун! — сказал он упавшим голосом. — Как же нам быть?

— Успокойся, наставник! — улыбаясь, отвечал старший ученик. — Все это не так уж страшно! Может, здесь и в самом деле есть несколько оборотней, но они, конечно, не так могучи, как представляют себе здешние жители, которые очень их боятся. Не забывай, что я с тобой!

— Брат! Что ты говоришь! — обиделся Чжу Ба-цзе. — Я ведь не такой, как ты. Я разузнал всю правду, как она есть, без малейшего обмана и лжи. Здесь все горы и долины кишат дьяволами-оборотнями, так что продолжать путь никак нельзя.

— Перестань трусить, дурак мордастый! — зло посмеиваясь, остановил его Сунь У-кун. — Чего зря пугаться? Если даже вся эта гора переполнена дьяволами-марами, то стоит только мне, старому Сунь У-куну, пустить в ход свой посох, и не пройдет половины ночи, как не останется в живых ни одного.

— Ай-ай-ай! И не стыдно тебе! Нечего зря хвастаться! Ведь на одну только перекличку всех бесов потребуется семь или восемь дней! А ты хвалишься, что перебьешь всех до одного за такой короткий срок? — насмешливо произнес Чжу Ба-цзе.

— А как, ты думаешь, я буду их бить? — спросил Сунь У-кун.

— Ну как, очень просто: ты будешь их ловить, валить наземь, связывать веревками, околдовывать, чтобы они не могли пошевелиться. Но как бы проворно ты ни действовал, все равно так быстро с ними не разделаешься!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Мне не нужно будет ни ловить, ни хватать, ни вязать! Я возьму посох за оба конца и крикну ему: «Расти!» И он сразу же вытянется в длину на сорок чжан, потом я помахая и велю: «Стань толще!» И он станет восемь чжан в обхвате. Тогда я покачу его по южному склону горы, и он сразу же придавит пять тысяч бесов; затем покачу по северному и там передавлю пять тысяч. Затем прокачу его с востока на запад и, пожалуй, все сорок или пятьдесят тысяч бесов сразу же превратятся в кровавое месиво и смешаются с грязью!

— Ну, брат, если ты решил раскатать их как тесто, то, пожалуй, за две стражи вполне справишься! — обрадовался Чжу Ба-цзе.

Стоящий в стороне Ша-сэн сказал:

— Наставник! С такой великой силой, как у нашего старшего брата, нам действительно бояться нечего. Садись верхом на коня и едем дальше.

Слыша, как его ученики собираются разделаться с оборотнями, Танский монах успокоился, сел на коня и поехал дальше. Пока они ехали, старец, предвещавший им беду, вдруг исчез.

— Должно быть, это и был сам оборотень, который нарочно нагонял разные страхи, чтобы напугать нас,— промолвил Ша-сэн.

— Погодите, — сказал Сунь У-кун.— Я сейчас отправлюсь вперед и разузнаю, что там.

С этими словами Сунь У-кун вскочил на одну из горных вершин и стал внимательно оглядываться по сторонам, но старца и след простыл. Вдруг Сунь У-кун увидел в небе радужное сияние. Он вскочил на облако и помчался к тому месту, откуда оно исходило. Когда он приблизился, то оказалось, что это сияние исходит от духа Вечерней звезды. Сунь У-кун подлетел к нему вплотную, ухватился за него рукой и обратился к нему, называя его ласкательным именем:

— Ли Чан-гэн! Ли Чан-гэн! За что же это ты так оскорбляешь меня?! Если ты хотел сказать что-то, так бы и говорил. Зачем же тебе понадобилось преображаться в какого-то старца отшельника, живущего в горах и лесах, и дурачить меня?

Дух Вечерней звезды смутился и, поспешно совершив поклон, выражающий полное почтение, произнес:

— О Великий Мудрец! Прости, что я поздно известил тебя! Очень прошу, прости мне мою вину. Здешние дьяволы-оборотни действительно владеют огромной волшебной силой; вы сможете пройти через эти горы лишь в том случае, если ты применишь все свое искусство превращений и изощришь всю свою хитрость; но берегись, при малейшей небрежности и неосмотрительности вам не избежать большой беды.

— Очень признателен тебе, очень признателен! — с чувством поблагодарил Сунь У-кун.— Поскольку здесь очень трудно пройти, прошу тебя передать Нефритовому императору, чтобы он помог мне своим небесным воинством.

— Есть! — по-военному отвечал дух Вечерней звезды.— Я исполню твое поручение и убежден, что если понадобится, то у тебя будет стотысячное небесное войско!

Великий Мудрец Сунь У-кун простился с духом Вечерней звезды, спустился на облаке и предстал перед Танским монахом.

— Оказывается, старец, который был на склоне горы, не кто иной, как дух Вечерней звезды,— сказал он, обращаясь к наставнику.— Он явился, чтобы предупредить нас.

Танский монах сложил ладони рук и обратился с мольбой к своим ученикам:

— Братья! Скорей догоните его и спросите, нет ли поблизости другой дороги на Запад, чтобы обойти эту гору.

— Обойти мы ее не сможем! — решительно заявил Сунь У-кун. — Эта гора тянется на восемьсот ли, а если обходить ее кругом, то неизвестно, сколько нам придется пройти.

От этих слов у Танского монаха слезы навернулись на глаза и хлынули потоком.

— Братья! Видно, на сей раз мы попали в такую беду, что вряд ли выберемся отсюда, и я даже не знаю, удастся ли нам поклониться Будде!

— Не плачь! Не плачь! — успокаивал наставника Сунь У-кун. — От того, кто плачет, такая же польза, как от гнойного нарыва. Дух Вечерней звезды нарочно напугал нас, чтобы мы были повнимательней и поосторожней. Ты пока слезь с коня и посиди здесь.

— Опять вздумал о чем-то совещаться, что ли? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Нет, совещаться не о чем! — отвечал Сунь У-кун. — Посторожи здесь нашего наставника, да повнимательнее; ты, Ша-сэн, постереги нашу поклажу и коня, а я поднимусь на вершину и посмотрю, сколько здесь наберется оборотней, поймаю одного и узнаю от него все подробности. Затем я заставлю его составить список всех бесов, старых и малых, велю запереть ворота пещеры, скрыться за ними и не преграждать нам путь, а затем попрошу наставника спокойно проехать через горы. Вот когда проявится мое уменье обходиться с дьяволами!

— Будь только осторожен! — приговаривал Ша-сэн.

— Не беспокойся! Я и сам знаю, — отвечал Сунь У-кун. — Ничто не остановит меня: будь передо мною великое Восточное море-океан, и то я готов проложить дорогу через него; будь передо мною Серебряные горы в жемчужной оправе, я все равно пробью ход через них.

И вот наш Великий Мудрец со свистом перекувырнулся через голову, вскочил на облако и сразу же оказался на вершине горы. Укрывшись среди лиан и кустарника, он стал осматриваться кругом. Везде было тихо, спокойно, и совершенно безлюдно.

— Ошибся, ошибся! — разочарованно произнес Сунь У-кун упавшим голосом. — Не следовало мне отпускать духа Вечерней звезды. Он, оказывается, зря пугал меня. Никаких дьяволов здесь нет. Иначе они непременно резвились бы где-нибудь на открытой лужайке, упражнялись бы с копьём или палицей в фехтовальном искусстве. А тут ни одного не видно...

Размышления Сунь У-куна были прерваны звоном колокольчика и стуком колотушки позади горы. Он быстро обернулся и стал вглядываться. Оказывается, с севера на юг шел маленький бесенок, который нес на плече флаг с иероглифом «лин», что значит «приказ». К поясу бесенка был привязан колокольчик, а в руках он нес колотушку. Сунь У-кун прикинул, что

бесенок ростом в один чжан и два чи.

— Должно быть, вестовой,— решил Сунь У-кун,— и несет казенную бумагу или какое-нибудь сообщение. Послушаю, не выболтает ли он чего-нибудь, не расскажет ли что-либо важное.

Молодчина Сунь У-кун! Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и, превратившись в муху, полетел к бесенку. Кружась над его шапкой, он стал внимательно прислушиваться.

Тем временем бесенок вышел на большую дорогу и, продолжая бить в колотушку и звякать колокольцем, стал приговаривать:

— Мы, дозорные, должны больше всего остерегаться Сунь У-куна, поскольку он умеет превращаться в муху!

Услышав эти слова, Великий Мудрец изумился и встревожился.

«Этот мерзавец, вероятно, где-нибудь видел меня,— подумал он.— Иначе откуда бы ему знать как меня зовут и то, что я могу превращаться в муху?..».

На самом же деле бесенок никогда не видел Сунь У-куна и повторял лишь то, что ему сказал дьявол-оборотень, его главарь, которому почему-то вдруг вздумалось дать такой наказ, и бесенок повторял его вслепую, думая, что все это выдумки. Но Сунь У-кун ничего этого не знал и уже хотел достать свой посох, чтобы убить бесенка, однако удержался от своего намерения и подумал:

«Помнится, когда Чжу Ба-цзе расспрашивал духа Вечерней звезды, тот сказал, что дьяволов всего трое, а бесов и бесенят тысяч сорок семь или сорок восемь. Если все бесенята такие же, как этот, то пусть их будет хоть на десяток тысяч больше, они мне нипочем. Интересно было бы узнать, каковы из себя три главных дьявола и какой волшебной силой они владеют. Попробую-ка я расспросить этого беса, а прикончить его всегда успею».

И как бы вы думали, читатель, наш бесподобный Мудрец Сунь У-кун сумел расспросить бесенка? А вот как: он полетел вверх, уселся на макушку дерева, переждал, пока бесенок прошел вперед на некоторое расстояние, а затем стремительно перевернулся и превратился в такого же маленького бесенка, который тоже бил в колотушку и звякал колокольцем; на плече у него тоже появился флаг, одет он был в такую же одежду, и только ростом оказался выше на три или на пять цуней. Бормоча, как бесенок, Сунь У-кун быстро нагнал его и крикнул:

— Эй! Прохожий! Постой!

Бесенок оглянулся на крик.

— Ты откуда взялся? — изумился он.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Милый мой! Своих не узнаешь!

— У нас таких нет! — решительно произнес бесенок.

— Как это нет? — возмутился Сунь У-кун.— А ну-ка, погляди на меня как следует!

— Лицо совсем незнакомое. Я такого не знаю.

— Понятное дело, что ты меня в лицо не знаешь,— спокойно стал объяснять Сунь У-кун.— Я здесь состою истопником, и тебе редко приходится видеть меня.

Но бесенок замотал головой.

— Нет, не проведешь! С такой острой мордой у нас никого нет, даже среди истопников.

Сунь У-кун подумал про себя: «Я, наверное, перестарался, и морда у меня слишком выпятилась». Наклонив вниз голову, он потер себе морду рукою, а затем сказал:

— Ну вот, смотри, не такая уж у меня острая морда.

— Но ведь только что она была совсем другой! — воскликнул озадаченный бесенок.— Как же это получилось, что ты потер себе морду, и она перестала быть острой? Что-то подозрительно! Нет, ты не из наших! Отойди лучше от меня! У нашего великого князя порядки очень строгие: истопники знают только свое дело — топить печи, а дозорные — ходить дозором по горам, не может быть, чтобы тебе разрешалось то быть истопником, то ходить в дозор!

Сунь У-кун всегда отличался находчивостью, а потому и на этот раз придрался к последним словам бесенка и воскликнул:

— Ничего ты не знаешь! Великий князь в награду за исправную службу назначил меня дозорным.

— Ладно! Пусть так! — ответил бесенок.— Нас, дозорных, по сорок в группе, всего десять групп, и, стало быть, всех дозорных ровно четыреста. Каждый из нас отличается по возрасту и внешности, у каждого свое имя и звание. Великий князь во избежание беспорядка в дежурстве и для удобства переключки выдал каждому из нас табличку с надписью. Есть у тебя такая табличка?

Сунь У-куну удалось принять облик бесенка только потому, что он видел, во что тот был одет и как держал себя, но он не знал, какая у него табличка. Однако на то Сунь У-кун и был Великим Мудрецом! Он не стал признаваться, что у него нет таблички, и вот как ответил бесенку:

— Как же может быть, чтобы у меня не было при себе таблички?! Моя табличка еще совсем новенькая, я ее только что получил. Покажи мне сперва твою табличку!

Откуда мог знать бесенок, что Сунь У-кун все это выдумал? Он поднял подол своей одежды, вытащил привязанную на шелковом шнуре к нательному поясу золотую табличку и показал Сунь У-куну. Тот стал внимательно ее разглядывать и заметил, что на оборотной стороне начертаны четыре иероглифа «гроза всех духов», а на лицевой — три иероглифа в классическом начертании, которые означали: «маленький лазутчик». «Ясно,— подумал Сунь У-кун,— очевидно, у всех дозорных такая же табличка, а последний иероглиф надписи должен быть одинаковым у всех».

Обратившись к бесенку, он сказал ему:

— Опустит подол и отойди в сторонку. А я пока достану свою табличку и покажу тебе.

Быстро отвернувшись, Сунь У-кун поймал свой хвост, вырвал из него волосок, помял его в руке и приказал: «Изменись!» Волосок мигом превратился в золотую табличку, через которую тоже был продет шелковый шнур, только зеленого цвета, а на лицевой стороне значились три иероглифа: «главный лазутчик». Сунь У-кун передал табличку бесенку. Тот в испуге стал лепетать:

— У нас все носят одинаковое звание: «Маленькие лазутчики». Как же это получилось, что только у тебя одного другое звание — «главный лазутчик»!

Вы знаете, читатель, что Сунь У-кун был ловок и сметлив и всегда знал, что ответить. Ничуть не теряясь, он сказал:

— Э! Да ты и в самом деле ничего не знаешь. Великий князь был очень доволен мною как истопником и за это повысил меня, назначив на должность дозорного. Мне выдали совершенно новую табличку с надписью: «главный лазутчик». Мне велено взять вашу группу в сорок маленьких лазутчиков под свое начало!

Услышав об этом, бесенок издал приветственный возглас и забормотал:

— Извини, начальник, тебя только что назначили, и твое лицо мне действительно совсем незнакомо. Я был груб с тобой, но не сердись на меня!

Сунь У-кун ответил на его приветствие и, ухмыляясь, добавил:

— Сердиться на тебя я не буду, но при одном условии: выкладывайте денежки на устройство встречи с вами, по пять лян серебром с каждого!

— Начальник! Подожди немного. Я схожу на край южного хребта, встречу там со всеми ребятами своей группы, и мы сообща соберем денежки.

— И то дело! — согласился Сунь У-кун. — Только я пойду с тобой вместе!

Бесенок пошел впереди, а Великий Мудрец последовал за ним.

Не прошли они и нескольких ли, как вдруг увидели высокий пик, похожий на писчую кисть, воткнутую в подставку. Он был в высоту не менее пяти чжан и издали действительно походил на кисть, потому его и называли «пик-кисть». Подойдя к нему, Сунь У-кун поджал хвост и, подпрыгнув вверх, уселся на самой вершине.

— Лазутчики! — закричал он сверху. — Все ко мне!

Вскоре внизу появились лазутчики, которые стали низко кланяться Сунь У-куну и приветствовать его.

— Начальник! Ждем приказаний.

— Знаете ли вы, — обратился к лазутчикам Сунь У-кун, — почему наши повелители назначили меня старшим над вами?

— Нет, не знаем! — хором отвечали бесенята.

— Великие князья возымели желание съесть Танского монаха, но опасаются, что Сунь У-кун, который сопровождает его, обладает огромной волшебной силой. Говорят, будто он умеет преображаться. Опасаясь, как бы он под видом такого же, как вы, маленького лазутчика, не проник к нам и не узнал про нас все тайны, они назначили меня старшим, и мне поручено проверить всех вас, не окажется ли среди вас поддельного лазутчика.

Бесенята сразу же в один голос стали убеждать Сунь У-куна:

— Начальник! Мы все самые что ни на есть настоящие лазутчики!

— Ну что же, в таком случае скажите мне, какими волшебными силами обладают наши великие князья? — спросил Сунь У-кун.

— Я знаю! — бойко ответил один из лазутчиков.

— Знаешь, так говори живей! Если ответишь правильно, значит, ты настоящий, а если ошибешься в чем либо, то поддельный! Тогда я тебя схвачу и доставлю на расправу к нашим повелителям.

Бесенок-лазутчик, видя, что Сунь У-кун говорит совершенно серьезно и ведет себя как начальник, занимающий высокий пост, не знал, как поступить, но, подумав, решил рассказать всю правду.

— Наш старший великий князь обладает могучими чарами,— начал он.— Он все умеет и может за один раз проглотить стотысячное небесное войско...

— Врешь! — закричал Сунь У-кун, услышав эти слова.— Ты поддельный!

Бесенок опешил.

— Начальник! Я же самый настоящий. Зачем же ты говоришь, что я поддельный?

— Если бы ты был настоящим, то не стал бы нести такую чепуху про старшего великого князя. Какого же, по-твоему, он должен быть роста, чтобы за один раз проглотить стотысячное небесное войско?

— Начальник! Видно, ты сам ничего не знаешь про нашего старшего великого князя. Ведь он умеет превращаться. Если захочет, то сможет головой коснуться небесных чертогов или стать меньше горчичного зернышка. Когда царица Сиван-му устроила Персиковый пир, она пригласила всех небожителей и праведных отшельников, но не прислала приглашения нашему великому князю. За это он хотел покарать небо. Нефритовый император выслал на него стотысячное небесное войско, а он превратился в великана, разинул свою пасть, величиной с городские ворота, и стал изо всей силы втягивать в себя воздух. Небесное войско струхнуло, не отважилось напасть на него и заперлось за Южными небесными воротами. Вот почему я и сказал, что наш старший великий князь за один раз может проглотить стотысячное небесное войско.

Сунь У-кун выслушал бесенка и усмехнулся по себе: «Ну, этим ты меня не удивил: когда-то и я, старый Сунь У-кун, проделал то же самое!».

Издав одобрителный возглас, Сунь У-кун обратился к бесенку:

— Теперь расскажи, что ты знаешь о втором великом князе.

— Наш второй великий князь ростом в три чжана,— бодро начал рассказывать бесенок,— у него широкие густые брови, глаза, как у красного феникса, приятный женский голос, широкие и плоские зубы а нос длинный, как туловище дракона. Если он с кем-либо затеет драку и обхватит врага своим носом, тот сразу же испустит дух, будь у него даже железная спина и

медное туловище!

«Оборотня с таким носом, которым можно людей обхватывать, тоже не трудно взять», — подумал про себя Сунь У-кун, и снова издал одобрительный возглас.

— Ну, а теперь скажи мне, чем славится наш третий великий князь?

— Наш третий великий князь не простой волшебник, недаром его прозвали Кондором, вмиг пролетающим десять тысяч ли, — хвастливо произнес бесенок. — Когда он несется, поднимается вихрь, вздымающий морские волны, он повергает в трепет север и юг. При нем всегда его волшебный талисман, который носит название «ваза с двумя началами природы — инь и ян». Если в эту вазу попадет человек, то через час и три четверти он весь растворится в жижу или кисель.

От этих слов Сунь У-куну стало не по себе, и он подумал: «Самого дьявола-оборотня я не испугаюсь, но надо будет остерегаться его вазы».

Снова издав одобрительный возглас, Великий Мудрец похвалил бесенка:

— Про наших трех великих князей ты рассказал все точно. Ну, а теперь скажи мне еще, который из наших великих князей хочет съесть Танского монаха?

— Начальник, ты разве не знаешь? — удивился бесенок.

— Я-то знаю и уж во всяком случае больше тебя! — прикрикнул Сунь У-кун на бесенка. — Мне велено хорошенько проверить вас, поскольку есть подозрение, что вы не все знаете.

— Наш старший великий князь и второй великий князь давно уже обитают в пещере Диковинного верблюда на горе Диковинного верблюда, — сказал бесенок, — а третий великий князь живет не здесь. Его обиталище в четырехстах ли к западу отсюда. Там у него свой город, который зовется городом Диковинного верблюда. Пятьсот лет назад он сожрал царя и властелина этого города, вместе со всеми его придворными чинами, гражданскими и военными. Жители города, старые и малые, мужчины и женщины, все до единого тоже были съедены им. За это верховный правитель лишил его принадлежавших ему владений. В настоящее время у него в услужении осталось лишь несколько оборотней. Не помню, в каком году он разузнал, что какой-то монах из восточных земель Танского государства послан на Запад к Будде за священными книгами, причем про этого монаха прошел слух, что он переродился после очищения от всех грехов в течение десяти поколений и тот, кто вкусит кусочек его тела, продлит свою жизнь и никогда не будет стареть; но вся беда в том, что у этого монаха есть ученик и последователь Сунь У-кун, опасный и коварный враг и с ним никому из великих князей в одиночку не справиться. Поэтому третий великий князь прибыл сюда и вступил в побратимство с первыми двумя великими князьями, и они решили общими усилиями изловить Танского монаха.

Эти слова привели Сунь У-куна в ярость.

«До чего же обнаглели эти мерзкие дьяволы-мары! — негодовал он. — Как смеют они помышлять о том, чтобы съесть моего наставника, когда я взялся охранять его, чтобы добиться блаженства в будущей жизни!».

С возгласом крайнего раздражения Сунь У-кун заскрежетал зубами, выхватил посох и прыгнул прямо вниз с крутой скалы, со всего размаху опустив посох на голову маленькому бесенку, размозжив несчастному череп.

Взглянув на дело рук своих, Сунь У-кун растерялся.

— Эх! Зачем это я вдруг прикончил его! — с досадой сказал он. — Малый был не таким уж плохим, сам обо всем рассказал мне. Но теперь ничего не поделаешь! Так уж вышло!

Узнав о том, что Танскому монаху угрожает опасность, Сунь У-кун не мог сдержать своего гнева и потому убил бесенка. Он снял табличку с убитого, привязал ее к своему поясу, взял на плечо флажок с иероглифом «лин», подвязал колокольчик, взял в руки колотушку, повернулся лицом к ветру и, прищелкнув пальцами, прочел заклинание и встряхнулся. После этого он превратился в точную копию убитого им бесенка-лазутчика. Широко шагая, он повернул обратно, вышел на большую дорогу и отправился на поиски дворца-пещеры, чтобы проверить все то, что он узнал про трех дьяволов-оборотней. Вот уж поистине:

Царь обезьян Сунь У-кун всех превосходит в уменье

Облик менять свой путем чудеснейших превращений;

Сотни и тысячи видов Мудрец легко принимает,

Способности в этом искусстве неслыханные являет.

Углубившись в горы, Сунь У-кун пошел уже по знакомой ему дороге и вдруг услышал крики людей и ржанье коней. Он стал всматриваться и увидел у входа в пещеру Диковинного верблюда несметное количество бесов и бесенят, строящихся в полки, с копьями, пиками, мечами и саблями, со знаменами и флагами.

Тут наш Великий Мудрец Сунь У-кун с радостью в душе подумал: «А ведь не зря предупреждал дух Вечерней звезды, совсем не зря».

Оказывается, по построению бесовских полчищ ничего не стоило подсчитать их количество: каждые двести пятьдесят бесов выстраивались в один ряд. Сунь У-кун насчитал сорок знамен, с длинными разноцветными полотнищами, развевающимися по ветру, и сразу же сообразил, что перед ним конное и пешее войско, численностью в десять тысяч воинов; прикидывая в уме, как действовать дальше, он стал рассуждать так:

«Я превратился в маленького лазутчика и теперь легко проникну в пещеру; если дьяволы-оборотни потребуют доложить, что я высмотрел на дозоре, я, безусловно, буду отвечать в зависимости от обстоятельств. Если же я в чем-либо ошибусь и они опознают меня, как тогда мне вырваться от них? Допустим, я побегу к выходу, а эта банда закроет ворота, как я пробьюсь? Для того чтобы изловить дьяволов в пещере, надо сперва уничтожить всю ораву бесов перед воротами! Но как это сделать?

Главные дьяволы-оборотни никогда меня не видели,— рассуждал Сунь У-кун,— они знают обо мне только понаслышке. Я воспользуюсь этим и постараюсь внушить им еще большее уважение к моему могуществу, расскажу им о себе разные небылицы и нагоню на них страх. Посмотрим, как эхо подействует. Если Китаю суждено просветиться учением Будды, то мы сможем пройти за священными книгами и благополучно вернуться; тогда стоит мне сказать всего лишь несколько храбрых и мужественных слов, и вся эта ватага бесов, сколько бы их ни было, отступит передо мной, и они разбегутся от страха; но если не судьба, то священные книги никак не удастся раздобыть и никакими словами, даже заклинаниями самого Будды, не уничтожить бесов у входа в пещеру, преграждающих путь на Запад!».

Сунь У-кун тщательно обдумывал план действий, как говорится, сердцем спрашивал уста, а устами — сердце, и, когда принял окончательное решение, стал бить в колотушку, звякать колокольцем, направляясь прямо ко входу в пещеру Диковинного верблюда. Сторожевые бесы еще издали заметили его и, преградив дорогу, спросили:

— Это ты явился, маленький лазутчик? Здорово!

Но Сунь У-кун ничего не ответил им, наклонил голову и прошел мимо.

Дойдя до второго поста, он опять был задержан сторожевыми бесами.

— Это ты явился, маленький лазутчик? Здорово! — с таким же приветствием обратились они к Сунь У-куну.

— Да, это я явился! — ответил он.

— Скажи, сегодня утром, обходя горы дозором, не столкнулся ли ты с Сунь У-куном? — спросили сторожевые бесы.

— Столкнулся! — смело ответил Сунь У-кун.— Я видел, как он там сидит и точит какую-то дубину.

Бесы не на шутку испугались.

— А каков он из себя,— спросил один из них,— и что за дубину точит?

— Он походит на духа — покровителя дорог и сидит сейчас на корточках у горного ручья,—

ответил Сунь У-кун.— Но если он выпрямится во весь свой рост, то, право, будет в вышину более десяти чжан! У него в руках большой железный посох, похожий на дубину, толщиной с плоску. Он черпает рукой воду из ручьев, обливает скалистый камень, точит о него посох и приговаривает: «Дубина! Я давно уже не брал тебя с собой, чтобы ты проявила все скрытое в тебе могущество. Но сейчас сто тысяч бесов-оборотней предстанут пред тобой и надо будет их всех забить до смерти! Зато я принесу тебе щедрую жертву, как только убью трех главных дьяволов!» Он, видимо, решил наточить свой посох до блеска и в первую очередь убить всех вас, десять тысяч отборных воинов!

От этих слов бесы так перепугались, что у них, как говорится, душа в пятки ушла, сердце сжалось от ужаса и печенька затряслась.

А Сунь У-кун продолжал пугать их.

— Вот что, уважаемые! У этого Танского монаха много ли наберется мяса? Всего лишь несколько цзиней — и все! На всех нас все равно не хватит. Чего ради нам подставлять свою голову под дубину? Не лучше ли разойтись всяк в свою сторону—вот и все!

— Дело говоришь! Верно! Правильно! — зашумели бесы,— Своя жизнь дороже! Уйдем отсюда! — раздались многочисленные возгласы.

Дело в том, что все эти бесы и бесенята на самом деле были оборотнями волков, змей, тигров, барсов и разных других зверей и пернатых. С громкими криками все они обратились в бегство и исчезли.

Таким образом, слова простого дозорного, в образе которого скрывался Сунь У-кун, возымели такое же действие, как чуские песни, от которых разбежалось восемь тысяч храбрых воинов.

Радуюсь в душе, Сунь У-кун сказал себе:

«Ну вот и хорошо! Теперь дьяволам-оборотням пришел конец! Если их воинство от одних только слов разбежалось, то как же оно отважилось бы встретиться с врагом лицом к лицу? Войдя в пещеру, надо будет пока говорить все то же самое, а то вдруг один или двое из бесов тоже проникнут в пещеру, услышат, и тогда поднимется буря!».

Охваченный твердой решимостью, Сунь У-кун направился к древней пещере и, преисполненный храбрости, вошел в ворота.

Какие произошли с ним злоключения при встрече с дьяволами-марами, вы узнаете из следующих глав.